

УДК 811.161.1'37

Языковые средства выражения образности в современном поэтическом тексте

Муратова Е.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена исследованию и анализу языковых средств выражения образности в современных (XX – XXI вв.) поэтических текстах.

Материалы и методы. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение в статье имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых поэтических текстов единой интерпретационной основой.

Результаты и их обсуждение. Художественное смыслопорождение в поэтическом тексте наблюдается на всех языковых уровнях. Особое значение, особый «вес» в поэзии имеет звук, т.е. фонетический облик стихотворения. На материале стихов А. Ахматовой, М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной в статье исследуются особенности звукового ряда в поэтическом тексте.

Специфична для поэтических текстов роль лексикализации. Лексикализация звуковых комплексов (превращение морфем, словосочетаний в отдельные слова) представляет собой нетипичные образования не только по отношению к естественному, но даже и к поэтическому языку. Окказиональная лексикализация является характерной, яркой и частотной приметой творчества М. Цветаевой, поэтому в статье роль лексикализации в создании художественной образности рассматривается на материале поэтических текстов М. Цветаевой.

Важную роль в создании образности поэтического текста играют синтагматические связи лексем. Нестандартные связи лексем в поэзии являются источниками новых смыслов и образных ассоциаций. Семантическое сближение лексем может быть случайным, т.е. характеризовать некоторый конкретный текст, а может быть регулярным, характеризующим идиостиль отдельного поэта или какое-то литературное направление. В данной статье доказывается исключительная роль нестандартной сочетаемости в творчестве Б. Ахмадулиной, а также анализируются с этой точки зрения поэтические тексты А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Пастернака и др.

Заключение. Поэтический язык представляет собой систему особого рода, в которой проявляется специфика взаимосвязи разных уровней, актуализация фонетического значения слова, активизация отдельных микросистем; выявляется поэтика грамматических категорий, эстетика формы, а также наблюдаются расширенные и нестандартные связи между единицами поэтического языка

Ключевые слова: фонетический уровень, образность, смыслопорождение, лексикализация, нестандартная сочетаемость, синтагматические связи.

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 160–165)

Language Means of Expression in the Modern Poetic Text

Muratova E.Yu.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article is devoted to the study and analysis of linguistic means of expression of imagery in modern (XX – XXI centuries) poetic texts.

Materials and methods. The analysis of the material used basic general scientific methods of observation, description, analysis and interpretation. The “composition of a scientific task” (the term of M. Bakhtin), which is necessary for unifying the considered poetic texts with a single interpretative basis, is of methodological significance.

Findings and their discussion. Artistic meaning emergence in the poetic text is observed on all linguistic levels. Particular significance, a special “weight” in poetry is attached to the sound, i.e. phonetic appearance of the poem. On the material of poems by A. Akhmatova, M. Tsvetaeva and B. Akhmadulina, features of the sound series in the poetic text are studied in the article.

Specific for poetic texts is the role of lexicalization. Lexicalization of sound complexes (transformation of morphemes, word combinations into separate words) is atypical formations not only in relation to natural, but even to poetic language. Occasional lexicalization is a characteristic, vivid and frequency sign of M. Tsvetaeva's creativity, therefore in the article the role of lexicalization in the creation of artistic imagery is examined on the material of M. Tsvetaeva's poetic texts.

An important role in creating the imagery of a poetic text is played by the syntactic links of lexemes. Non-standard relations of lexemes in poetry are sources of new meanings and figurative associations. Semantic convergence of lexemes can be random, i.e. characterize some specific text, and maybe regular, characterizing the idiosyncrasy of an individual poet or some literary direction. This article proves the exceptional role of non-standard compatibility in the work of B. Akhmadulina, and also from this point of view the poetical texts of A. Voznesensky, E. Evtushenko, B. Pasternak and others are analyzed.

Conclusion. *Poetic language is a system of a special kind, in which the specificity of the interconnection of different levels is manifested, the actualization of the phonetic meaning of the word, activation of individual microsystems; poetics of grammatical categories and aesthetics of form are revealed, besides, extended and non-standard connections between units of poetic language are observed.*

Key words: *phonetic level, imagery, sense emergence, lexicalization, non-standard compatibility, syntagmatic connections.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 160–165)

Активное и глубокое внимание к языку поэзии проявилось в исследованиях первой половины XX века. Начиная с 30-х годов XX в. создается лингвистика текста, которая базируется на собственных лингвистических методах. В работах исследователей второй половины XX в. (М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, И.И. Ковтунова, В.П. Григорьев, О.Г. Ревзина, Б.П. Гончаров, Е.А. Некрасова, Е.В. Красильникова и др.) акцент делается на языковые средства выражения. Принципиально важными являются современные работы по лингвопоэтике (Л.В. Зубова, И.И. Ковтунова, Е.В. Красильникова, Н.А. Кожевникова И.И. Ревзин, О.Г. Ревзина и др.), в которых постулируется существование особого уровня грамматической образности в поэзии.

Тема, избранная для исследования, актуальна, поскольку в творчестве современных поэтов нашли выражение многие новые тенденции в поэзии XX в: усиление личностного начала, трансформация языкового значения, авторское словообразование, растущая метафоричность речи, усиление метаязыковой рефлексии, «обнажение» деривационных связей слова в тексте, превалирование имплицитности текста над эксплицитностью.

Цель исследования – выявление и анализ языковых средств выражения образности в современном поэтическом тексте.

Материал и методы. Предметом данного исследования являются языковые средства выражения образности в современных поэтических текстах. В исследовании нами отдано предпочтение тем поэтам, творчество которых ориентировано на активный языковой поиск и языковые преобразования. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение в статье имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина),

необходимая для объединения рассматриваемых поэтических текстов единой интерпретационной основой.

Результаты и их обсуждение. Что в современном мире дают человеку гуманитарные знания и, в частности, поэтический текст и его изучение? На этот вопрос гениально и просто ответил Иосиф Бродский в своем интервью журналисту «Московских Новостей» в 1995г. в Нью-Йорке Д. Радышевскому: «Поэзия не развлечение и даже не форма искусства, но скорее наша видовая цель. Если то, что отличает нас от остального животного царства – речь, то поэзия – высшая форма речи, наше, так сказать, генетическое отличие от зверей. Отказываясь от нее, мы обрекаем себя на низшие формы общения... Это колоссальный ускоритель сознания, и для пишущего, и для читающего. Вы обнаруживаете связи и зависимости, о существовании которых и не подозревали, данные в языке, в речи. Это уникальный инструмент познания».

Исследование поэзии – это исследование механизмов неоднозначности и неопределенности в поэтических текстах, поскольку в них увеличивается количество вариантов осмысления и прочтения.

«Принцип со-противопоставления элементов, – пишет Ю. М. Лотман, – является универсальным структурообразующим принципом в поэзии и словесном искусстве вообще» [1, с. 36]. В поэтическом языке специфична связь между значимыми элементами, которые образуют сложную систему соотношений, часто невозможных в общезыковой конструкции.

Язык современной поэзии по своей сложности, метафоричности, стремлению к языковой игре значительно отличается от поэтического языка прежних эпох. Если в русской поэзии XVIII–XIX вв. слово в поэтическом тексте воплощало смысл, сформированный в предшествующих авторитетных текстах, то в XX веке появляется

множество поэтических произведений, в которых значение слова порождается данным конкретным контекстом. Для русской поэзии XX века характерны не только новые темы, образы, видение мира, осознание особенностей своей эпохи, но также иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык, который стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

Языковые связи и зависимости в поэтическом тексте, глубинное смыслопорождение наблюдается на всех языковых уровнях.

Особое значение, особый «вес» в поэзии имеет звук, т.е. фонетический облик стихотворения. За счет активизации микросистем языка звук в поэзии оказывается «озвучен» в гораздо большей степени, чем в естественном языке. Но это «озвучивание» особого рода. Как писал Борис Пастернак, «музыка слова – явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии отдельно взятых гласных и согласных, а в соотношении значения речи и ее звучания» [2, с. 213]. П. А. Флоренский, например, считал звук некой тягучей субстанцией, которая вливается в нас и завладевает всем нашим существом: «Слыша звук, мы не по поводу его, не об нем думаем, но именно его, им думаем: этот внутренний отголосок и в нашей внутренности есть внутренний. Звук – непосредственно (диффундирует) просачивается в нашу сокровенность, непосредственно ею всасывается, и, не имея нужды в проработке, сам всегда воспринимается и осознается, как душа вещей. Из души прямо в душу глаголют нам вещи и существа...» [3, с. 35]. Говоря несколько иным языком, когерентное взаимодействие фонем на любом отрезке поэтической системы – явление очень тонкое, его восприятие практически полностью лежит в области бессознательного, а не в логически-понятийной сфере человека, поэтому и анализ процессов, происходящих на фонетическом уровне поэтического языка, объективно трудно вербализуем. Р. Барт называл это *гул языка* [4, с. 542–543]: «Гул языка – это его утопия. – Утопия музыки смысла; это значит, в своем утопическом состоянии язык раскрепощается... изменяет своей природе вплоть до превращения в беспредельную языковую ткань, где теряет реальность его семантический механизм; здесь во всем великолепии разворачивается означающее – фонетическое, метрическое, мелодическое... Смысл маячит в отдалении нераздельным, непроницаемым и неизреченным миражем, образуя задний план, «фон» звукового пейзажа».

Своеобразно может проявляться роль гласных звуков (особенно при ассонансах) в поэтических текстах: *Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья. / Я родилась. / Спорили сотни /*

Колоколов. / День был субботний / Иоанн Богослов. / Мне и доныне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть (Цветаева). Благодаря фонетическому строю стихотворения проявляется психологическое явление синестезии, т.е. дополнение основного образа образами иных модальностей. В данном стихотворении, если в него внимательно не только вчитаться, но и вслушаться в музыку и ритмику ударных гласных, можно услышать звук нескольких колоколов. Первая строфа: повтор ударных гласных *КрАсною кИстью / РяБИна зажглАсь. / Падали лИстья. / Я родилАсь* ассоциируется с ударами большого колокола, причем удары размашистые, длинные, гулкие: А–И / –И–А / –А–И / –А–А. Затем вступает колокол с иным звучанием, но с тем же размахом: *СпОрили сОтни (О–О)* и далее ему вторят *кОлОкОлОв*, т.е. более мелкие колокола; на другой колокольне подхватывает большой колокол: *дЕнь был суббОтний / ИоАнн (Е–О–А)* и маленькие: *БОгОслОв*. Эти ассоциации подкрепляются и семантикой второй строфы, описывающей православный колокольный праздник дня памяти Иоанна Богослова.

У разных поэтов актуализация фонетического уровня может осуществляться по-разному. Например, для творчества А.А. Ахматовой повтор согласных, прием паронимической аттракции вообще не характерны. У А.А. Ахматовой наблюдаются другие виды актуализации фонетического уровня. Б. Эйхенбаум, анализируя творчество А. Ахматовой, отмечал систематическое повторение в соседних словах одних и тех же гласных звуков. «Систематическое повторение в соседних словах одних и тех же артикуляционных движений, – пишет Б. Эйхенбаум, – придает стиху Ахматовой особенную выразительность. В русский поэтический язык вводится, таким образом, тенденция к продлению одного гласного ряда, к укреплению одного артикуляционного уклада...» [5, с. 89]. Приведем некоторые примеры:

Звенела музыка в саду (у-у)

Таким невыразимым горем. (и-и)

Свежо и остро пахли морем (о-о)

На блюде устрицы во льду (у-у-у)

Или:

И дал мне три гвоздики, (и-и)

Не подымая глаз. (а-а)

О, милые улики, (и-и)

Куда мне спрятать вас (а-а-а).

Или:

Лежал закат костром багровым, (а-а, о-о)

И медленно густела тень (е-е-е).

Как видим, фонетическая организация стихотворений А. Ахматовой базируется, в первую очередь, на организации фонетических фракталей ударных гласных соседних лексем. Целостность таких фракталей организуется не семантически

(как группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта), а фонетически – повтором одних и тех же ударных согласных на узком участке системы, а именно – в пределах одной строки стихотворения.

Часто трудно вербализовать новые смыслы и ощущения, возникающие за счет специфики звукового ряда. М. Цветаева очень тонко заметила, что стих – это чара, но читатель не может не чувствовать музыкальную модуляцию, «игру» звуков в поэзии. В этом плане очень символично творчество Б. Ахмадулиной. Практически в каждом ее стихотворении встречаются строки, в которых звуки явно «вносят свою лепту» в процессы рождения новых смыслов и художественных ассоциаций: 1. *Арагву променять на мрачные овраги.* 2. *...двояк и дик, как диамант.* 3. *Округлый склон оврагом – рвано ранен.* 4. *Я завидую ей – молодой / и худой, как рабы на галере: / горячей, чем рабыни в гареме.* 5. *Все чаще, способом старинным, / и сталактитом стеаринным.* 6. *Рояль твоё крыло в родстве с мостом Риальто.*

Специфична для поэтических текстов роль лексикализации. Лексикализация звуковых комплексов (как правило, окказиональная) представляет собой «неструктурное» явление в системе языка, поскольку превращение несловных языковых единиц в знаменательные слова представляет собой нетипичные образования не только по отношению к естественному, но даже и к поэтическому языку. Лексикализироваться может любая языковая единица: отдельные звуки, комплексы звуков, морфемы, сочетания слов, предложно-падежные сочетания, т.е. в качестве понятия может выступать не только слово, но любая единица языка. Каждая лексикализованная единица не имеет строго закреплённого за ней словарного языкового значения, а получает его только в контексте, в процессе лексикализации, представляя собой «пучок» новых смыслов.

Окказиональная лексикализация является характерной, яркой и частотной приметой творчества М. Цветаевой, в лирике которой зафиксировано более 400 лексикализованных языковых единиц. Приведем лишь некоторые примеры: 1. *В наш-час – страну! В сей-час – страну! / В на-Марс – страну! В без-нас – страну!* 2. *Торопись, ветрило-вихрь-бродяга...* 3. *Какая заживо-зарытость / И выведенность на убой.* 4. *Как дерево-машет-рябина / В разлуку...* 5. *Идет-открывается, – / Такая далекая! Горбуны-горбы-верблюды – / Прощай, домочадцы!* 6. *Идет-открывается, – / Такая далекая! Горбуны-горбы-верблюды – / Прощай, домочадцы!* 7. *Где ж, сирота, / Кладь-твоя-дом?* 8. *Прощай, вьюг-твоих-приютство, / Воркотов приятство* 9. *О серебро-сусаль-слюда!* 10. *И гордец же был-сокол!* 11. *Чужой человек, / Дорогой человек,*

Ночлег-человек, / Навек-человек! 12. *Крест-мой-цепок / Хан под сапог.* 13. *Чтоб тебя сам / Бус-удаплюсь!* 14. *Много-пытанная / Чутко-слушанная / Зорко-слезенная, / Неудержанная.* 15. *То своры дых кровокипяц, – / То Ревность-Псарь!* Лексикализация отражает нерасчлененное восприятие автором описываемых явлений, показывая неразрывную связь в его сознании образов и понятий.

Важную роль в создании образности поэтического текста играют синтагматические связи лексем. Как писала Н. Д. Арутюнова, «семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении» [6, с. 326]. Возникновение нового смысла на более высоком уровне абстракции наблюдается в поэтическом языке при нелинейной сочетаемости лексических единиц, которые могут представлять собой любые знаменательные части речи.

Понимание стандартной и нестандартной сочетаемости в поэтическом тексте заложено в языковой природе человека как члена конкретного социума, что определяет общность понимания (с определенными и естественными «разногласиями») стандартности и нестандартности в языке, на котором он говорит с рождения. На общность языкового восприятия «работает» коллективное бессознательное, языковые правила и традиции данного социума, исторически закреплённые значения слов и их традиционные связи.

Именно нестандартные связи лексем в поэзии являются источниками новых смыслов и образных ассоциаций. Например, у Б. Пастернака: 1. *Встает в колонны рев скота* 2. *Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко.* 3. *Любила снег ласкать пальба.* 4. *Затеплен Апрель. Возмужалостью тянет из парка.* 5. *Как детский поцелуй, спокойно дышит стих* [Пастернак 1965].

У М. Светлова: 1. *Револьвер задыхался в кобуре, / А вверху опустевший собор / Близорукие окна щурит.* 2. *Спаستись / От черных гусениц мглы.* 5. *Там буквы рыдают, запрятавшись в угол... Видишь: звезды, сойдя с высот, / По домам разошлись неслышно.* 3. *Незаметно для прохожих умирает колокол вверху.* 4. *Даже фонарь не мог.* 6. *Магазин задремал на углу.* 7. *День, шатаясь, брел устало.* 8. *Халтура меня догоняла во сне, / Хвостом зацепив одеяло* [Светлов 1975].

У Н. Заболоцкого: 1. *И ночь... качается в спиртовой банке.* 2. *... в бокале плавало окно.* 3. *Танцует в ухе перепонка...* 4. *На карауле ночь густеет.* 5. *Шумит бульваров теснота.* 6. *Обводный царствует канал.* 7. *И по трамваям рай качается...* 8. *Скупое утро горы спеленало...* 9. *Время в воздухе плывет.* 10. *... даль не навек занавешена...* [Заболоцкий 1983].

У Е. Евгушенко: 1. *Есть в мире такой городок – Чусовой, / где рядом все чудится мне часовой / на*

лагерной вышке, пустующей там, / где, может, в бессмертие вмерз Мандельштам 2. Иногда мне так хочется / спрятаться в детство. 3. Я так люблю вливаться глазами / в твоё лицо. 4. Мы с тобою летим сквозь друг друга, / как две сшибившихся стаи птиц. [Евтушенко 1997].

У А. Савина: 1. И брызнет полночь синей тишью, / И заструится млечный путь... / Я сердце маленькое вышью / Большими крестиками звезд. 2. Сбегают тени стрелчатой грядой / На кудри волн по каменистым склонам, / А лунный шар над розовой водой / Приколот одуванчиком зеленым.

Семантическое сближение лексем может быть случайным, т.е. характеризовать некоторый конкретный текст, а может быть регулярным, характеризующим идиостиль отдельного поэта или какое-то литературное направление. Например, нестандартная сочетаемость глагола и существительного является яркой приметой идиостиля А. Вознесенского: 1. Он жмет по окружной, как на пожар, / как я в его невзгоды приезжал. 2. Его оппонент в полемике выпрыгнул из своих зубов. 3. В нас, как муравьи в банке, / напихано шевелятся тысячелетия, / у меня в пятке щекочет Людовик XIV. 4. мы люди, / мы тоже порошни, / уходим мы, / так уж положено, из стен, матерей / и из женищин, / и этот порядок извечен... 5. Зайдет вражда. Я выгоню вражду – / я друга жду. 6. Спускаюсь в чей-то быт... 7. ... с тех пор в моей спутанной жизни / звенит пустота... 8. Как ваши лица струятся матово. 9. Шло убийство по шумной Битце, / шло, жуя пирожек незло. 10. ...ухватясь за свои телеграммы, / покосившись, столбы летят

Рассмотрим механизм появления новых смыслов в выражении Б. Ахмадулиной *Прогорк твой лик, твой малый дом убог...* Словарное значение лексемы *горкнуть* – «портясь, становится горьким на вкус» [7, с. 114]; словарное значение лексемы *лик* – «лицо человека (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах» [7, с. 262]. При соположении этих слов возникает диссипативный процесс рождения нового смысла: близкий героине человек (т.к. *твой лик*, а не *ваши лик*) был ею уважаем и в чем-то духовно недосыгаем, о чем говорит использование лексемы возвышенного стиля *лик*, а не нейтральной *лицо*; но сейчас этот человек утратил для лирической героини черты возвышенности и чистоты, перестал быть *ликом* (прогорклый лик – это уже даже не лицо), оставив при этом горький след в ее душе (т.к. глагол *прогорк* имеет значение не просто испортиться, а стать горьким на вкус). Семы значения глагола *прогорк* и существительного *лик* нелинейно «сплетаются» и тем самым рожают новый образ того, кто был *ликом* для героини, и раскрывают ее собственные чувства в данный момент.

Этих значений нет в лексемах *прогоркнуть* и *лик*, они возникли только по причине нелинейного наложения сем их значений друг на друга.

В поэтических текстах ярко проявляют себя нестандартные связи существительных. Даже названия стихотворений и поэм часто представлены именно такими словосочетаниями. У Е. Евтушенко: *Под кожей статуи Свободы, Заря у клена на руках, Эпилог эпилога, Опять револьвер Маяковского*; у М. Цветаевой: *Поэма Воздуха, Поэма Лестницы, Поэма Конца, Поэма Горы, Попытка Комнаты*; у Б. Ахмадулиной: *Шум тишины, Сад-всадник, День-Рафаэль*; у А. Вознесенского: *Скульптор свечей, Ностальгия по настоящему, Монахини моря, Баллада-яблоня, Зомби забвения, Вольноотпущенник времени*.

В линейной структуре предложения явно выделяется родительный падеж, в котором особенно активно происходит переход от парадигматически и синтагматически упорядоченных значений лексем к новым самоорганизующимся смыслам. Приведем примеры из поэтических текстов Н. Заболоцкого: 1. *Народный Дом, курятник радости, / Амбар волшебного житья, / Корыто праздничное страсти, / Густое пекло бытия*. 2. *А вокруг – весы, как магелланы, / Отрепья масла, жир любви...* 3. *В волшебном царстве калачей...* 4. *Внизу – бокалов воркотня... / Внизу – на выступе оркестра, / Как жрец, качается маэстро*. 5. *Герои входят, покупают / Билетов хрупкие дощечки*. 6. *И в окна конских морд толпа, Глядит, мотаясь, у столба*. 7. *А там за ним, за морд собором, / Течет толпа на полверсты...* 8. *Обыденности плотная завеса / С ее красот мгновенно упадет*. 9. *И вдруг через дымку мечтанья / Возник перед ним островок*. 10. *Одна из них садится у окошка / С цветочком музыки в руке*.

Совершенно исключительную роль родительный падеж играет в творчестве Б. Ахмадулиной. Характерной приметой ее лирики в этом плане является значительная частотность приименного и практически полное отсутствие приглагольного родительного падежа: *масть дня, измышление дыма, слабоумье злодейств, упасенье черемух, труд коньков, ловцы стаканов и тарелок, многозначенье мысли, крайность славы, усмотренье доброты, неумолимость связи, растраты бытия, важность ворот, белила гордыни*. Б. Ахмадулина не использует приглагольный родительный падеж, выражающий в основном объектные отношения, а в приименном выявляет в основном субъектные и определительные отношения, это говорит о том, что ее интересуют в первую очередь не объекты, а субъекты действия и их оценка.

Через своеобразное соединение лексем, которое невозможно в узусе, поэт создает художественный образ мира, моделирование которого происходит на основе важнейших сущностных

свойств человека – его отношения к жизни, смерти, любви, природе. В тексте возникает особое виртуальное денотативное пространство, которое может расширяться, углубляться, увеличиваться, а может, наоборот, дробиться, представляться не единым, а как будто дискретным, когда его элементы подвергаются не просто номинации, а являются денотатами «рисующих» поэтическим словом образов, т.е. разнообразные фракталы постоянно меняют свою семантическую «конфигурацию»: *шрам ожога, многозначенье грусти, труп розы, звонок испуга, нагота лица, нагота разбуженного глаза, ловцы стаканов и тарелок, выдох уст, , открытость входа, взглядчивость зрачка, вид беды, гений глаза*. Возникшие смыслы не фиксируются в словарях, поскольку эти значения возникают и «витают» в ином, нелинейном семантическом пространстве поэтического текста. Так, в реальном мире и реальном словарном составе языка, отражающего естественный мир, глаз не имеет наготы; шрам может иметь человек (от ожога), но не сам ожог и т.д.

Заключение. Поэтический текст как сложное структурно-семантическое образование характеризуется смысловой многоплановостью слова, тенденцией к преобразованию формального в содержательное. Языковые связи и зависимости в поэтическом тексте, глубинное смыслопорождение наблюдается на всех языковых уровнях. Художественные особенности звукового ряда ярко проявляются в творчестве А. Ахматовой, М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной, в частности, у А. Ахматовой отмечается систематическое повторение в соседних словах одних и тех же гласных звуков.

Специфична для поэтических текстов роль лексикализации. Лексикализация звуковых комплексов представляет собой «неструктурное» явление в системе языка, поскольку превращение несловных языковых единиц в знаменательные слова представляет собой нетипичные образования не только по отношению к естественному, но даже и к поэтическому языку. Каждая лексикализованная единица не имеет строго закрепленного за ней словарного языкового значения, а получает его только в контексте, в процессе лексикализации, представляя собой «пучок» новых смыслов. Оказиональная лексикализация является характерной и частотной приметой творчества М. Цветаевой, в лирике которой зафиксировано более 400 лексикализованных языковых единиц.

Важную роль в создании образности поэтического текста играют нестандартные синтагматические связи лексем. Ярko проявляют себя нестандартные связи существительных. В линейной структуре предложения явно выделяется

родительный падеж, в котором особенно активно происходит переход от парадигматически и синтагматически упорядоченных значений лексем к новым самоорганизующимся смыслам, что доказывает лингвистический анализ поэтических текстов А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Н. Заболоцкого, М. Светлова.

Таким образом, поэтический язык представляет собой систему особого рода, в которой проявляется специфика взаимосвязи разных уровней, актуализация фонетического значения слова, активизация отдельных микросистем; выявляется поэтика грамматических категорий, эстетика формы, а также наблюдаются расширенные и нестандартные связи между единицами поэтического языка. Все это представляет собой языковые средства и языковой потенциал выражения образности в современной поэзии.

Литература

1. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.М. Лотман – Л.: Просвещение, Ленингр. отделение, 1972. – 271 с.
2. Пастернак, Б. Люди и положения: автобиографический очерк / Б. Пастернак // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. – М.: Эксмо, 2008. – С. 192–Флоренский, П. А. Пути и средоточия / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1999. Т. 3: У водоразделов мысли. – С. 34–Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 114–163.
3. Эйхенбаум, Б. Анна Ахматова. Опыт анализа / Б. Эйхенбаум // О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 75–Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов. 20-е изд., стер / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1988. – 748 с.
5. Ахмадулина, Б. Избранное: стих / Б. Ахмадулина. – М.: Советский писатель, 1988. – 477 с.
6. Вознесенский, А. Избранное / А. Вознесенский. – М.: Эксмо, 2003. – 381 с.
7. Евтушенко, Е. Граждане, послушайте меня...: стихотворения и поэмы / Е. Евтушенко. – М.: Художественная литература, 1989. – 494 с.
8. Заболоцкий, Н. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Столбцы и поэмы. 1926–1933. Стихотворения. 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза / Пред. Н. Степанова; примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина / Н.А. Заболоцкий. – М.: Художественная литература, 1983. – 655 с.
9. Пастернак, Б. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. – М.: Л.: Советский писатель, Ленингр. отделение, 1965. – 730 с.
10. Строфы века: антология русской поэзии / Сост. Е. Евтушенко. – М.: Полифакт, 1999. – 1056 с.
11. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. 7 т.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.